

В.Б. Лапердин*

V.B. Laperdin*

**Имущественное расслоение
и социальная дифференциация
колхозников Западно-Сибирского края
в 1930-е годы**

**Social Stratification in Collective Farms
of West Siberian Region in the 1930s**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-19

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-19

УДК 94(571.1)«1930/1940»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Лапердин В.Б. Имущественное расслоение и социальная дифференциация колхозников Западно-Сибирского края в 1930-е годы // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 198–211. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>

Laperdin V.B. Social Stratification in Collective Farms of West Siberian Region in the 1930s // Historical Courier, 2020, No. 3 (11), pp. 198–211. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-19.pdf>

Abstract. The paper objective is to introduce into scientific use the report of B. Mayberg who was the chief of “politotdel” (political department) of Topkinsky MTS. Its content is important for understanding social processes in the Soviet village in the 1930s. Publication is preceded by an introductory article, which gives a brief description of the historiography of the problem of professional and material differentiation of collective farm society. The author of the political report reveals a number of important issues of interest to modern researchers. In particular, he establishes a direct relationship between the property status of peasants in the pre-collective farm village and their status after collectivization. According to his conclusion, most of the collective farmers – coming from the poor – could not successfully adapt to the new conditions. As before collectivization, they remained outsiders, being involved in collective farms with low-paid auxiliary work. Representatives of the middle-class peasants who had economic authority received more advantageous posts. Meanwhile, B. Mayberg also noted the opposite trend: representatives of the poor in several collective farms held leadership positions. Thus, we can conclude that we are talking, rather, not about one main trend, but about various options for social differentiation, in each case (region or collective farm) taking various forms.

Keywords: state agrarian policy; peasantry; collective farms; Siberia.

The article has been received by the editor on 21.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводится политдонесение начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга. Его содержание имеет важное значение для понимания социальных процессов в советской деревне в 1930-е гг. Публикация предваряется вводной статьей, в которой дана краткая характеристика историографии вопроса профессиональной и материальной дифференциации колхозного социума. Автор политдонесения раскрывает ряд важных вопросов, интересующих современных исследователей. В частности, он устанавливает прямую взаимосвязь между имущественным положением крестьян в доколхозной деревне и их состоянием после коллективизации. Согласно его заключению, большая часть колхозников – выходцев из бедноты – не смогла успешно приспособиться к новым условиям. Как и до коллективизации, они оставались аутсайдерами, привлекаясь в сельхозартелях к малооплачиваемым подсобным работам. Более выгодные должности получали

* **Лапердин Вячеслав Борисович**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: laperdin2011@mail.ru
Laperdin Vyacheslav B., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: laperdin2011@mail.ru

представители середняков, имевших хозяйственный авторитет. Между тем Б. Майберг отметил и противоположную тенденцию: представители бедноты в ряде колхозов занимали руководящие должности. Таким образом, можно заключить, что речь идет, скорее, не об одном магистральном тренде, а о различных вариантах социальной дифференциации, в каждом конкретном случае (регионе, районе или отдельном колхозе) принимавшем разнообразные формы.

Ключевые слова: аграрная политика государства; крестьянство; колхозы; Сибирь.

Проблема социальной дифференциации и имущественного расслоения колхозного населения 1930-х гг. в современной историографии до сих пор является слабоизученной темой. В советской историографии колхозные массы рассматривались как однородное целое. Конечно же, в ней выделялись определенные профессиональные группы, представители которых обладали особыми навыками, образованием, опытом работы. Так, Ю.В. Арутюнян пишет о преодолении «противоречий между социальной структурой и структурой производства»¹. Разделение колхозников на отдельные группы можно найти и в других публикациях советского периода. Социальная структура деревни второй половины 1930-х гг. детально рассмотрена на примере Западной Сибири². Н.Я. Гуцин выделил три группы колхозников: колхозные работники административно-управленческого аппарата, близкие к категории служащих, механизаторы и малоквалифицированные рабочие.

После 1991 г. интерес к данной проблематике сохранялся. В отечественной историографической традиции, основанной на работах Н.А. Ивницкого, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина³, утвердилось мнение, что, несмотря на профессиональное разделение колхозников, различия их оплаты не были существенны. Речь шла, скорее, о дифференциации бедности. В начале 1930-х гг. государство, изымавшее значительную долю производимой сельскохозяйственной продукции, зачастую не оставляло колхозникам для распределения на трудодни ничего. Такая политика привела к возникновению массового голода, достигшего апогея в 1932–1933 гг. В последующие годы снабжение населения улучшилось, но ситуация в корне не изменилась. Государство продолжало выкачивать из деревни необходимые для индустриализации ресурсы.

Несколько иная точка зрения представлена в работах по социальной истории. Так, Ш. Фицпатрик, не отрицая низкого материального уровня сельского населения, более подробно рассматривает дифференциацию оплаты труда, выделяя профессиональные группы колхозников: «белых воротничков» (председатели колхозов, члены правления, бухгалтера, бригадиры, завхозы); «голубых воротничков» (механизаторы); люмпен-пролетариата (занятые на низкоквалифицированных полевых работах)⁴. Принципиально новым у Ш. Фицпатрик является оценка первых двух групп как «привилегированных». Рабочий день председателя колхоза стоил больше рабочего дня простого колхозника. Рядовые колхозники основное количество трудодней зарабатывали во время сезонных работ. Между тем существовали профессиональные группы, вырабатывавшие трудодни круглый год. На «вес» трудодня (получаемую сельскохозяйственную продукцию и денежное вознаграждение) это не влияло. Однако количество выработанных трудодней зачастую зависело от занимаемой должности.

¹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 60.

² Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975. С. 80–83.

³ См.: Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М., 2011. Ч. 1, 2; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000.

⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 160–162.

Более подробно профессиональная дифференциация представлена в концепции М.А. Безнина и Т.М. Димони⁵. В целом она не отличается от приводимой советскими авторами стратификации, но ей дается совершенно иная интерпретация. Разделяя колхозный социум на отдельные классы, вологодские исследователи выделяют протобуржуазию (председатели), менеджеров (бригадиры, заведующие фермами, звеньевые, завхозы, кладовщики, приемщики, раздатчики, весовщики и др.), интеллектуалов (агрономы, зоотехники, ветврачи, инженеры-механики и др.), рабочую аристократию (квалифицированные техники) и сельскохозяйственный пролетариат. Эти классы отличались правовым статусом, экономическим положением и собственным самосознанием. Они начали формироваться еще в период коллективизации и, несмотря на высокую социальную мобильность, стали обособленными классами уже в 1930-е гг.

Таким образом, исследователи выделяют в колхозном социуме профессиональные группы, независимо от того, рассматриваются ли они как единый слой сельского населения либо в качестве отдельных социальных групп или даже классов. В 1930-е гг. специальные исследования сельского социума не проводились. Тем не менее современники, наблюдая социальные процессы в колхозах, пытались их осмысливать. Представленный в публикации документ является оригинальным примером осознания растущей социальной дифференциации колхозного населения. Его автор – начальник политотдела Топкинской МТС Б. Майберг, объясняя отставание в выполнении хозяйственно-политических кампаний в 1934 г., представил в своем политдонесении результаты обследования населения колхозов, входивших в радиус действия данной МТС. Фактически «обследование» являлось социологическим мини-исследованием, имевшим свою методологию, целью которой стало выявление и объяснение причин имущественной дифференциации колхозников.

Разделяя колхозные дворы по экономическому положению на отдельные группы в зависимости от получаемых доходов, начальник политотдела пришел к заключению: положение наиболее бедной части сельского населения в колхозном социуме соответствовало их состоянию в деревне до коллективизации. Конечно же, определенная часть представителей бедноты смогла добиться высокого статуса, став председателями или членами правления колхозов. Б. Майберг упоминает в своем донесении о колхозе, в котором бедняки занимали административные посты. Однако далеко не вся беднота сумела достичь подобного. «Хлебных» должностей из-за их численной ограниченности не могло хватить на всех желающих. Войдя в колхозы, середняки начали оттеснять бедняков из самых выгодных профессиональных сфер колхозного производства. Ими оказались заняты наиболее оплачиваемые виды работ. Представителей бедноты из числа административной верхушки такое положение устраивало по причине высокого хозяйственного авторитета середняков. Дифференциация доходов была весьма существенной и достигала соотношения три к одному. Иными словами, наиболее бедные колхозники зарабатывали в три раза меньше их более богатых односельчан. Ситуацию усугублял различный уровень развития личного приусадебного хозяйства (ЛПХ). Личное хозяйство бывших середняков оставалось крепче их соседей из числа бедноты. Таким образом, ни колхозное производство, ни ЛПХ не позволяли бедноте улучшить свое хозяйственное положение.

Подобные наблюдения позволяют современным исследователям несколько иначе взглянуть на социальные процессы, протекавшие в советской деревне 1930-х гг. и оценить социальную мобильность с точки зрения стартовых позиций (состояния хозяйства до коллективизации). Б. Майберг считает, что сильное воздействие на нее оказывало предшествовавшее коллективизации экономическое расслоение крестьянства. Те, кто были аутсайдерами, если не успели занять административные должности, продолжали оставаться внизу социальной лестницы. Профессиональная и имущественная дифференциация членов сельхозартелей сохраняла отпечаток доколхозной деревни: низкий имущественный статус преследовал бедноту даже в колхозах. Иными словами, коллективные хозяйства «тащили» на себе

⁵ См.: Безнин М.А. Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. Разд. 2.

проблемы разрушенных государством сельских общин, которые должны были разрешаться в уже новых социально-экономических условиях.

Конечно же, не стоит абсолютизировать сделанные автором донесения выводы. Скорее всего, он уловил только одну из характерных для деревни того времени тенденций. В других регионах или даже в соседних районах могла складываться иная ситуация: выходцы из бедноты активно пополняли новые престижные профессиональные группы, становясь ударниками и обучаясь профессиям механизаторов или агрономов и тем самым улучшая свое материальное положение. Но, вероятнее всего, какого-то магистрального тренда не существовало, каждый конкретный случай был если не совсем уникален, то все же имел отличительные черты. Таким образом, возникала весьма сложная палитра социальной жизни колхозной деревни, которая состояла из разнонаправленных тенденций, и в которой беднота как оставалась внизу социальной лестницы, так и двигалась вверх.

Затронутая в представленной публикации тема требует дальнейшего исследования с привлечением дополнительных источников, а сделанные выводы являются промежуточными.

Ниже в соответствии с существующими правилами публикуется политдонесение начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга, выявленное в фонде П-175 (Политический сектор Новосибирского областного земельного отдела) Государственного архива Новосибирской области. Рукописный текст набран курсивом.

№ 1

Препроводительное письмо начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга к политдонесению в политический сектор Западно-Сибирского краевого земельного управления

г. Топки

29 июля 1934 г.

ПОЛИТСЕКТОР МТС

В настоящей политсводке две трети уделено очень важному социально-экономическому вопросу, для разработки которого политотделом было обследовано 8 колхозов. Вопрос этот заключается в том, что за 3 месяца до нового урожая у значительной части колхозников не оказалось хлеба. Это обстоятельство явилось причиной неудовлетворительного хода и исхода кампании хлебозакупа [1].

Это явление «бесхлебицы» нами было обнаружено в колхозах нашей МТС еще в марте м[еся]це, и благодаря своевременно принятым мерам его удалось более или менее безболезненно рассосать.

В колхозах Топкинского района это явление в последние месяцы приняло весьма острый характер, что нас побудило заняться обстоятельным изучением этого явления.

Данные обследования и выводы получили отражение в настоящей политсводке.

Убедительная просьба дать нам ответ, насколько своевременно этот вопрос нами поднят и правильны ли принципиально выводы, которые я делаю из приводимых данных.

Нач[альник] политотдела Топкинской МТС Майберг

ГАНУ. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 64. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой; набрано на бланке политотдела Топкинской МТС. Подпись – автограф.

№ 2

Политдонесение начальника политотдела Топкинской МТС Б. Майберга в политический сектор Западно-Сибирского краевого земельного управления

г. Топки

29 июля 1934г.

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ №2Апрель–июнь 1934 года

Поскольку ход и результаты весеннего сева своевременно мной освещались в «десятидневках», я в настоящем политдонесении остановлюсь лишь на некоторых моментах и выводах.

Благодаря большой партийно-массовой и воспитательной работе, которую мы проводили в течение зимы, колхозы нашей МТС к весенней кампании подошли хорошо подготовленными, С ТЩАТЕЛЬНО ПРОРАБОТАННЫМИ И ДОВЕДЕННЫМИ ДО КАЖДОГО КОЛХОЗНИКА ПЛАНАМИ, с полным сознанием своей ответственности за дело и твердым знанием, что, кому и когда надо делать. Как следствие этого мы имеем:

1. ПОГОЛОВНЫЙ СВОЕВРЕМЕННЫЙ ВЫХОД на работу ВСЕХ колхозников (бригады поселились в культстанах [2] за 5–7 дней до начала массового сева. Число культстанов выросло с 32 до 55). Нам не приходилось подгонять, подхлестывать, «стаскивать с постелей» не только руководящие кадры, но даже рядовых колхозников – чем козыряли некоторые руководители «передовых» МТС нашего района.

2. В ходе сева мы не имели «обозников» [3]. ВСЕ колхозы почти ОДНОВРЕМЕННО КОНЧИЛИ СЕВ. Когда в первые дни обнаружилось отставание 3–4 колхозов, МТС сманивировала тракторным парком, подтянула отстающих и движение вперед пошло равномерно, так, что при окончании сева колхоз, стоящий на первом месте, имел 106 % плана, а колхоз, стоящий на 26-[м] месте, – 98,5 %.

3. Сев прошел во всех колхозах почти «незаметно» – без суетоки, без надрывов – таково мнение всех колхозников.

4. Качество обработки земли в большинстве колхозов (здесь мы еще не сумели добиться общего подъема) отменное и ни в какое сравнение не может идти с прошлым годом.

5. Соцсоревнование и ударничество стали ДОМИНИРУЮЩИМИ методами и формами труда в наших колхозах. Вот несколько цифр: все 26 колхозов соревновались между собою, из 61 бригады соревновалось 58, звеньев – 127, индивидуальным соревнованием охвачено было 437 человек, из них партийцев и комсомольцев – 88 чел. Соревновались все 13 тракторных отрядов между собой. Ударников имеется 361 чел., в том числе 74 чел. партийцев и комсомольцев. Соцдоговора [4] проверялись в процессе сева и по окончании его.

Не останавливаясь подробно на парт[ийно-]массовой работе, поскольку согласно приказа политуправления при этом прилагается краткая записка об этой работе моего заместителя по парт[ийно-]массовой работе, хочу здесь отметить лишь один момент в этом отношении.

Низовая парторганизация в наших колхозах в большинстве своем еще не заняла авангардной роли. Будучи малочисленной в своем составе и находясь на низком политическом и культурном уровне (в смысле элементарной грамотности), низовые парторганизации не поспевают за ростом революционного самосознания колхозных масс и особенно отстают от тех огромных КАДРОВЫХ СИЛ, которые колхозный строй выдвигает повседневно на передовые позиции производственной и культурно-политической жизни на селе.

С особенной наглядностью и четкостью это выявилось на весеннем севе текущего года и на проходящей теперь чистке в наших колхозах. Вот эти растущие (приходящие к жизни) новые колхозные кадры являются подлинной «золотой россыпью», рожденной гигантскими достижениями нашей партии и всем ходом развития колхозного строя. Сегодняшние беспартийные – эти кадры несомненно завтрашние члены нашей партии. Работа над ними является одной из важнейших наших задач на ближайший период.

В работе тракторного парка мы в тек[ущую] весну имеем значительные достижения. Они характеризуются следующими данными: за 21 день работы на весенней кампании на каждый трактор приходится при переводе на мягкую пахоту 87,5 или 68,4 % (трактороиспользования) к установленным нормам и 7,7 % экономии горючего в среднем. Отсутствие систематизированных данных за прошлое, плохая постановка учета, а главное – отсутствие

КРИТЕРИЯ для сравнительной оценки не позволяет делать каких-либо обоснованных выводов.

Невнимательное наблюдение за работой тракторного парка и тщательный анализ итогов позволяют мне все же сделать пару выводов: ПЕРВЫЙ – это НЕСООТВЕТСТВИЕ тягловой силы и прицепных агрегатов как результат безобразного планирования машиноснабжения со стороны крайтрактора [5] (крайЗ[ем]У[правления] – тоже). На 36 тракторов у нас имеется 34 плуга и 4 сеялки, из коих одна без шестеренки для сева овса. У нас по весновспашке осталось процентов 30 к яровому клину. Таким образом, у нас очень скоро пахать уже нечего было (в колхозах очень неплохое тягло, и необходимость уложиться в сжатые сроки заставляла пахать на лошадях, не дожидаясь тракторов), А СЕЯТЬ НЕЧЕМ БЫЛО. Если такое положение останется и на буд[ущий] год, когда у нас не будет ни одного га по весновспашке, ТО ТРАКТОРНЫЙ ПАРК БУДЕТ ОБРЕЧЕН НА БЕЗДЕЙСТВИЕ. В нынешнем году нашей МТС не забросили ни одной сеялки (запланировано было 5), а в соседнюю – Шишинскую МТС при такой же почти площади посева и при таком же почти колхозном тягле ПРИ НАЛИЧИИ 12 тракторных сеялок выбросили еще 13. Когда же наконец кончится этот безнадежный бюрократизм в планировании.

ВТОРОЙ вывод – это необходимость ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НОРМ ВЫРАБОТКИ и потребления горючего по коротким периодам весенней кампании.

Вот данные о работе тракторного парка по пятидневкам (только по пахоте) с 1-го по 30 мая с.г.

Пятидневки	Задание в га	Выполнено	% выполнения	Перерасход или экономия в %
1-я	282,1	174,1	61,7	-22
2-я	617,8	443,5	71,8	-2,2
3-я	668	569,1	85,2	+5,5
4-я	639	595	93,1	+7,5
5-я	494,7	453,5	91,8	+8,1
6-я	438	450	102	+17

ПРИМЕЧАНИЕ: 1-я пятидневка состояла только из 2–3 дней, т.к. некоторые трактора начали работать с 3/V, а большинство – лишь 4/V.

В 6-ю пятидневку 25–30 мая трактора работали в совхозах на больших гонах и на парах.

Разве из этих данных не очевидно, что трактористу невыгодно и боязно будет (помимо вычета с него за перерасход горючего, еще под суд отдадут) работать в первые дни. Ведь машина не поддается увещаниям и упрекам, что нехорошо поддаваться «мокрым и сырým настроениям» [6], и, когда земля сырая и мягкая как вата, она буксует. Из этого, я считаю, надо сделать такой вывод: НОРМЫ выработки и потребления горючего, установленные для каждой МТС (зоны) ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫ ПО ТРЕХ- ИЛИ ПЯТИ-ДНЕВКАМ С ТАКИМ РАСЧЕТОМ, чтобы в первые дни выработка устанавливалась бы процентов на 25–40 ниже, а потребление горючего – на 15–20 % выше СРЕДНЕЙ НОРМЫ. В последние же дни – наоборот.

Весенний сев по нашей МТС имеет одну серьезную червоточину. Не имея в МТС больше 4-х тракторных сеялок и имея огромный дефицит по 9 колхозам в конных сеялках, мы допустили в нескольких колхозах РУЧНОЙ СЕВ, о чем я писал в политдонесении еще до начала сева. Проводили мы этот ручной сев планомерно, вслед за сверххранним [7] и по всем правилам агротехники. Правда, некоторые колхозы «перекрыли» установленные для них цифры ручного сева, вследствие чего вместо предположенных нами около 1000 га засеяли было вручную 1400 га. Не будучи намерены «возводить нужду в добродетель», должен однако сказать, что в условиях острого недостатка в сеялках ручной сев в том виде, как мы его допускали (вслед за сверххранним) является наиболее правильным выходом из положения. Ибо если бы мы не пошли на эту вынужденную меру организованно, то

указанные колхозы, обнаружив впоследствии свое сильное отставание, решились бы в конце мая или НАЧАЛЕ ИЮЛЯ СЕЯТЬ ВРУЧНУЮ, что в условиях засушливой весны тек[ущего] года было бы гибельным делом. Но если бы этим колхозам даже и удалось бы раздобыть впоследствии сеялки, позаимствовав их в тех, которые уже кончили сев, то поздний рядовой сев не лучше раннего ручного. Эту точку зрения разделял ряд товарищей по моему выступлению на пленуме крайкома [ВКП(б)].

Засушливое лето тек[ущего] года, когда первый дождь выпал лишь 27-го июня, и то лишь по части колхозов, а по 11 колхозам и до сего времени еще не было ни одного дождя, чрезвычайно отрицательно сказалось на состоянии посевов и, разумеется, в первую очередь на сверхраннем ручном севе, а также и на позднем рядовом севе. Трудно в настоящее время определить уровень урожайности, поскольку мы имеем в тек[ущем] году невероятную пестроту состояния посевов не только по разным колхозам, но даже по отдельным участкам одного и того же колхоза и даже бригады. Но уже совершенно очевидно, что урожай будет ниже среднего.

На почве бездождья и угрозы недорода у нас в районе развелись весьма нездоровые настроения, подогретые и «распропагандированные» кулацкими недобитками. В колхозах нашей МТС эти настроения, поскольку мы с середины июня в связи с засухой повели массово-разъяснительную работу, НЕ ПОЛУЧИЛИ какого-либо заметного проявления и ограничились лишь одним молебном [8], проведенным единоличниками при участии некоторых колхозников в одном из самых отсталых колхозов – в «Ударнике». Затем невыходом на работу в течение одного дня 28 чел. в колхозе «Канаш» на почве «бесхлебицы». Но в большом ряде колхозов района, по сообщению секретаря райкома т. Тулина и его зама тов. Лаптева на бюро Р[ай]К[ома ВКП(б)], эти настроения получили весьма резкое проявление. Молебны и резкие и настойчивые требования разрешения их стали почти повсеместными, а требования выдачи хлеба и невыход на работу на почве бесхлебицы приняли массовый характер. Все это в некоторых местах сопровождалось уродливыми проявлениями разных суеверий – вроде опашки поля плугом, запряженным голыми девушками, выкапывание утопленника, прогона черных кошек по полю и т.д., и т.п.

Во всех этих проявлениях особого внимания заслуживает вопрос о так называемой БЕСХЛЕБИЦЕ. Совершенно зря, на мой взгляд, Тулин на бюро Р[ай]К[ома ВКП(б)] старался всецело объяснить это явление как результат настроений, вызванных угрозой неурожая. Нет никакого сомнения, что кулацкий «агитпроп», как всегда, выбрал это наше слабое место для уязвления именно в данное время. По сути же дела это явление лежит в стороне от «неурожайных настроений» и имеет свои самостоятельные, весьма глубокие корни.

Вопрос о бесхлебице, на мой взгляд, представляет собой весьма серьезное социально-политическое и экономическое явление и, как мне кажется, характерно не только для нашего района, почему и заслуживает серьезного внимания. Поэтому позволю себе на этом вопросе остановиться несколько подробнее.

Еще в январе–феврале во время развертывания хлебозакупа наше внимание остановило на себе явление, которое я охарактеризовал бы как крайне пестрое, неравномерное участие разных хозяйств (по размерам запродажи) в хлебозакупе. В то время, как на каких-нибудь 8–10 хозяйств приходится 2–3 и даже 5 цен[тнеров] проданного кооперации хлеба на каждое хозяйство, на 2–3 десятка хозяйств приходится по несколько десятков килограмм[ов] проданного хлеба, большинство же хозяйств ограничилось продажей лишь по 5–10 кг, либо же некоторые из этого числа ничего не продали. При более тщательном изучении этого явления оказалось, что на большинство хозяйств из этой последней группы приходится крайне недостаточный заработок по 3–2 и меньше центнера на 1-го едока. Причем странным в этом показалось то, что огромная часть из этих хозяйств – это бывшие батраки или бедняки.

В это же самое время в одном из наших колхозов – «Боевой май» – имел место такой случай: ко мне в политотдел явился два колхозника «от имени бедноты» с жалобой на то, что руководство колхоза им не дает «хороших работ», что заработок в трудоднях очень мал,

поэтому у них уже нет хлеба и т.д., и т.п. Обследовав этот колхоз, мы действительно установили, что председатель Ермошин, хоть сам и быв[ший] батрак, да и правление в целом (в этом колхозе очень слабая и количественно, и качественно парторганизация) «держит курс на крепкого середняка, что б[ывшие] беднота и батраки в загоне, что последним, как правило, отводятся второстепенные, подсобные работы – пастухов, сторожей и т.п. В результате обследования мы председателя сняли с работы.

Вскоре после этого, в марте и апреле ряд председателей и парторгов стали к нам обращаться за советом, как быть с тем, что многие колхозники обращаются с требованиями выдачи хлеба за отсутствием его либо же отпустить их на производство. Мы занялись изучением и проверкой социального и экономического состояния каждого «заявителя» о бесхлебии. Сразу же выявились 3 группы заявителей. ПЕРВАЯ, правда немногочисленная, в которой на едока приходится по 5,7 ц. ВТОРАЯ, где на едока приходится по 4,5 цен[тнера], но «растранжирившая» свой хлеб, и ТРЕТЬЯ, подлинно бесхлебная либо потому, что часть из этих хозяйств получила по 2 и меньше цент[нера] на едока, либо же поступившая в колхоз в середине 1933 года и проевшая значительную часть своего дохода авансами.

Совершенно очевидно, что здесь дело не обошлось без кулацкого «агитпропа». Мы разоблачили кулацкую подоплеку и рваческие тенденции первой группы, в отношении второй мы установили строго индивидуальный подход и либо разрешали отпуск на производство (до уборочной), либо предлагали «выворачиваться» как могут, вплоть до распродажи вещей, приобретенных не в меру своих возможностей, в отношении же третьей группы мы, как правило, рекомендовали выдавать авансы из кассы взаимопомощи [9] или из неделимых натурфондов [10], где таковые имеются. Благодаря такому подходу и широкому разъяснению этого явления в колхозах нам удалось сравнительно легко безболезненно ликвидировать и разрядить это движение «бесхлебицы».

При изучении этого дела оно у меня сразу ассоциировалось с вышеуказанным явлением по хлебозакупу. С самого начала в глаза бросилось то, что бесхлебие главным образом падает на бывшие батрацко-бедняцкие хозяйства. Тогда мы решили тщательно изучить это дело и подвергли обследованию 8 колхозов.

Мы обследовали подворно почти все хозяйства со стороны социального происхождения каждого из них, количество трудоспособных и едоков в нем, сколько получено хлеба в центнерах на каждое хоз[яйст]во, трудоспособного и едока. Во многих случаях проверяли, какие работы выполнял колхозник, как и на что расходовался доход и т.д., и т.п. Приближение весенней кампании несколько отодвинуло как собирание материалов, так и их разработку. Да и в настоящий момент текущая работа не позволяет уделять необходимого для этой «трудоемкой» работы времени.

Всесторонняя разработка обильного материала не закончена. Но поскольку ряд явлений, на мой взгляд, уже обнаружил свой тенденционный характер, а некоторые отдельные факты, выявленные в процессе обследования, вообще заслуживают внимания, я считаю необходимым осветить это в настоящем политдонесении. При этом я прошу дать мне указание, насколько эта работа вообще своевременна и правильна ли принципиально взятая нами линия в этом деле.

Дело в том, что «средние данные» зачастую нас вводят в заблуждение и под внешним благополучием этих средних показателей порой скрываются серьезные червоточины. По крайней мере в колхозах нашей МТС (а мне кажется, не только нашей МТС) имеет место именно такое положение. Так, по колхозам нашей МТС из годового баланса видно, что в среднем на 1-го трудоспособного приходится 12 цен[тнеров], а на 1 едока – 4 цен[тнера]. Казалось бы, положение вполне благополучно. Однако при подворном обследовании дохода на одного трудоспособного и на одного едока картина получается совсем иная.

Подворный доход мы продифференцировали на 5 групп, как по доходу на 1-го трудоспособного, так и на одного едока. К 1-й группе относятся хозяйства с доходом на 1-го трудоспособного от 15 цен[тнеров] и выше (доходит до 35 цен[тнеров]), ко 2-й группе – от 10 до 15 цен[тнеров], к 3-й – от 5 до 10 цен[тнеров], к 4-й – от до 5 цен[тнеров] и к 5-й

группе – от 3 ц и ниже. То же самое в отношении едоков. (Как видно, и тут приходится оперировать «средними» показателями, но все же более дифференцированными). Получив 5 групп хозяйств, вполне понятно, с разной доходностью на одного трудоспособного и едока, мы проследили вопрос о том, каков же социальный состав каждой из этих групп.

Для упрощения таблиц, а также ввиду некоторой идентичности соц[иального] состава 1-й и 2-й, а также 4-й и 5-й групп мы произвели перегруппировку, создав только 3 группы: 1-я – с доходностью на 1-го трудоспособного от 10 ц и выше, 2-я – от 5 до 10 ц и 3-я – от 5 цен[тнеров] и ниже. По тем же соображениям и некоторым другим мы размещение доходов по едокам тоже перегруппировали, но с другим подразделением: 1-я группа – от 5 ц и выше на одного едока, 2-я группа – от 3 до 5 ц и 3-я группа – от 3 и ниже.

Привожу данные только по трем колхозам, т.к. они характерны для всех 8 обследованных колхозов с некоторым лишь колебанием в ту или другую сторону. Вот как выглядят эти итоговые данные:

По трудоспособным

Название колхоза	Группы	Хозяйств	Из них:		В них трудо-спос[обных]	Всего получ. хлеба	%	Приходится на 1 трудоспособного в центн.
			средн.	%				
Крестьянс-кая газета	I	64	78	59	121	1645	66	13,6
	II	53	20	37	102	770	30	7,7
	III	21	4	19	39	107	4	2,8
Украина (Дидеево)	I	85	61	72	161	2174	66	13,5
	II	59	31	52	124	998	31	8
	III	23	4	17	21	95	3	4,5
им. Крупской	I	37	27	73	64	887	45	13,8
	II	53	19	36	105	761	38	7,3
	III	42	10	24	82	335	17	4,1

ПРИМЕЧАНИЕ: к первой группе относятся хоз[яйства] с заработком от 10 ц и выше на 1-го трудоспособного, ко 2-й группе – от 5 до 10 ц и к 3-й гр[уппе] – от 5 ц и ниже.

По едокам

Крестьянская газета	I	56	24	43	184	1193	45	6,5
	II	58	28	49	291	1165	43	4
	III	33	10	30	145	324	12	2,3
Украина (Дидеево)	I	74	49	66	251	1115	58	6,4
	II	68	38	56	330	1323	31	4
	III	32	9	28	203	468	11	2,2
им. Крупской	I	45	24	53	129	882	45	6,8
	II	37	20	54	162	620	31	3,8
	III	50	12	24	215	481	24	2,2

ПРИМЕЧАНИЕ: к первой группе относятся хоз[яйств]ва с заработком от 5 ц и выше на одного едока, ко второй – от 3 до 5 цен[тнеров], а к третьей – от 3 цен[тнеров] и ниже.

Из этих итоговых данных можно констатировать: во-первых, что в первой группе хозяйств с заработком выше 13 ц на одного трудоспособного СЕРЕДНЯЦКИЕ ХОЗ[ЯЙСТ]ВА занимают от 59 до 73 %, ВО-ВТОРЫХ, по мере снижения заработка на одного трудоспособного увеличивается процент беднячко-батрацких хозяйств, доходя в

третьей группе от 76 до 81 %. В третьих, что на 1-ю группу хозяйств, удельный вес которых составляет от 27 до 46 %, приходится всего распределенного хлеба 45–66 %.

В-четвертых, что заработок трудоспособного в первой группе хоз[яйст]в относится к заработку к третьей группе как 3:1 (даже немного больше).

Такая же приблизительно картина получается и в распределении доходов по едокам. Здесь наблюдается одно довольно любопытное явление, а именно: в третьей группе, в которой большинство бедняцких хоз[яйст]в, на одно хоз[яйст]во приходится большее количество едоков, чем на одно хоз[яйст]во в первой группе (видимо, бедняки больше «размножаются»). Но если это положение можно оставить спорным, то бесспорным остается то, как я это установил в выборочном порядке, что в бедняцких хозяйствах на одного трудоспособного приходится больше едоков, чем в середняцких хозяйствах. Объясняется это явление тем, что из бедняцких хоз[яйст]в, как это удалось установить в отдельных случаях, МЕНЕЕ ИНТЕНСИВНО привлекаются к работе полутрудоспособные (старики и подростки), а порою и вполне трудоспособные, чем это происходит в средняцких хозяйствах.

Из всех этих констатаций я делаю этот основной вывод, что взятый в свое время вполне правильный курс на середняка в колхозном строительстве в настоящее время, как мне кажется, начинает перерастать в свою противоположность. Средняцкие хоз[яйст]ва, захватив в колхозах «командные высоты», сильно укрепили за собой эти позиции и оттеснили бедноту, не допуская ее к хорошо «оплачиваемым» работам. Я имел беседу на эту тему с некоторыми, наиболее передовыми, председателями. Они признали, что это явление имеет место, что оно «исторически» так сложилось вследствие того, что середняк пришел в колхоз более квалифицированным, грамотным, знающим хоз[яйст]во, умеющим работать и т.д., и т.п. Обратное в своей массе представлял бедняк. Все это непреложно верно «в былом», но за последние 5–6 лет картина сильно изменилась: бедняк культурно-политически и, если так можно выразиться, хозяйственно развился и вырос. Его же экономическое положение и роль в колхозном производстве относительно почти не изменились. Разность в экономическом положении между быв[шим] средняцким и бедняцким хозяйством усугубляется еще рядом обстоятельств. Основным из них – это то, что середняк пришел в колхоз с крепким, неплохим своим индивидуальным хозяйством, которое ему (середняку) удалось еще больше укрепить. Бедняк же не имеет возможности «стать на ноги». Не имея своего подсобного хозяйства, а зачастую даже коровы, он потребляет значительно больше хлеба на едока, чем середняцкое хозяйство. Весьма отрицательным фактором в этом отношении является плохая работа кооперации. Взять хотя бы диф[ференцированный] пай. Его размеры для каждого хозяйства устанавливаются по количеству заработанных трудодней и без учета доходов колхозника от подсобного хозяйства. На практике получается такого рода извращения – на крепкое хозяйство, к примеру, установлен дифпай 500 руб., а на «бедняцкое» хозяйство (оно может по случайности и быв[шее] средняцкое) – 200 руб. Первое хозяйство, благодаря подсобным доходам, имеет возможность покупать в сельпо чего и сколько ему угодно, а второе, не имея никаких излишков, лишено возможности пользоваться благами (как бы они ни были сомнительны) кооперации, пай же это хоз[яйст]во все равно платит. А ведь таких хоз[яйст]в в колхозе большинство (см. таблицу по едокам II и III гр[упп]). К этому нужно добавить неправильную работу сельсоветов в части льгот по с[ель]х[оз]налогу, плохую работу касс взаимопомощи и т.д., и т.п.

Словом, бывшая беднота в огромном своем большинстве в наших колхозах (а колхозы в целом у нас отнюдь не бедные) крайне медленно движется вперед и ей очень трудно перешагнуть грань к зажиточной жизни. Случай в колхозе «Боевой май» – приход делегации в политотдел «от имени бедноты» – является, как мне кажется, лишь внешним отражением какого-то внутреннего процесса, который происходит в среде этих слоев колхозников. Я имел много бесед с отдельными колхозниками этой категории, и нужно сказать, что они без всякого основания выдерживаются все годы на таких незначительных работах, как пастухи, сторожа и т.п. Или, например, в животноводческих фермах – мы до недавнего времени

имели на всех ролях почти одних середняков. В порядке оздоровления состава мы произвели большую пертурбацию и не без успеха.

Это положение быв[ших] беднячко-батрацких хозяйств в колхозах, как мне кажется, является основной причиной того, что единоличники – в подавляющем большинстве своем бедняки – не вступают в колхозы. В разговоре с ними можно часто слышать «бедноте и в колхозе живется несладко». Разумеется, в этом деле огромную роль играет также неправильная политика, проводимая местными организациями в отношении единоличников, – заниженные планы посевов, незначительная нагрузка по разным повинностям и т.д.

Для меня становится совершенно очевидным, что нам надо в нашей партийно-массовой и организационной работе взять курс на ликвидацию этой «социальной несправедливости» путем расстановки рабочей силы и выдвижением наиболее способных, приобретших опыт бедняков к ведущим работам, привлечением всех трудоспособных и полутрудоспособных из этих хоз[яйств] к работе, наконец, усилением политико-воспитательной и культурно-просветительной работы над этими группами – всеми этими и подобными мероприятиями, как мне кажется, можно легко и сравнительно быстро снивелировать ту ненормальность в социальном составе разных экономических групп, которая имеется в настоящее время на колхозном слете. Совершенно очевидно, что в этом деле требуется чрезвычайно внимательный, серьезный и осторожный подход – именно таким путем мы и намерены подойти к практическому разрешению этого вопроса.

Но это только одна сторона дела. Если указанными мероприятиями можно снивелировать СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ в разных по заработку группах, то этим еще не разрешается (или разрешается лишь в незначительной степени) огромный разрыв в экономическом неравенстве между хозяйствами, особенно I-й и III-й групп. Поэтому мне кажется, что из выше сделанных констатаций (третья и четвертая) надо бы сделать и другой вывод, а именно: не слишком ли велик разрыв между оплатой в трудоднях ведущих подсобных работ в колхозах? В постановке этого вопроса можно узреть некую тенденцию на уравниловку – отнюдь нет. Речь идет лишь о некотором сокращении разрыва, ибо заработок 13 с лишним цен[тнеров] хлеба на одного трудоспособного в 1-й группе и 3–4 цен[тнера] в III-й группе образует, как мне кажется, слишком большой разрыв, особенно если принять во внимание, что количество трудоспособных в 1-й группе составляет почти половину всех трудоспособных.

Именно это обстоятельство и привлекло к неудовлетворительному исходу хлебазакупа, оно же породило и явление «бесхлебицы».

Пройти мимо этого явления, не ища способов и средств его изживания или, по крайней мере, смягчения, значило бы проявить «куриную слепоту». Если в наших колхозах, где мы это явление «бесхлебицы» обнаружили в зачаточной его форме, нам удалось благодаря своевременно принятым мерам более или менее безболезненно рассосать и изжить его, то совсем иное положение имеется в других колхозах нашего района. По сообщению председателя комиссии по чистке, секретаря райкома и др. товарищей, «бесхлебица» охватила огромное большинство колхозов, повлекши за собой невыхода на работу в таких размерах, которые угрожают успеху уборочной кампании. И это имеет место в нынешнем году (и за 5–3 м[еся]ца до нового урожая), когда урожай 1933 г. в районе был не ниже 13–15 цен[тнеров] с га, за редким исключением, и когда на одного едока в среднем приходилось около 4 цен[тнеров]. Нужно, правда, отметить, что «бесхлебицей» поражены не только хозяйства, в которых на едока приходится ниже 3 цен[тнеров], но и хозяйства, где на едока приходится даже выше 5 цен[тнеров]. Объясняется это тем, что в этих хозяйствах хлеб растраниживали, закупая разные вещи ширпотреба и домашнего обихода и много, очень много пропивалось. Колхозник еще не научился строить свой бюджет, вернее, он его не имеет, он не знает, что это такое. Поэтому в первые месяцы после получения своего дохода он тратит хлеб без учета своих возможностей.

Из сказанного совершенно ясно, что в нашей массовой и организационной работе надо взять решительный крен на индивидуальный подход к каждому колхознику, к его бытовым

нуждам, к его производственно-хозяйственной и культурной жизни, учить его строить свой бюджет, помогать ему создавать подсобное хозяйство и т.д., и т.п. Но мне кажется совершенно очевидным также и то, что без обнажения корней, порождающих эту «бесхлебицу», и без их радикального лечения нельзя разрешить этот вопрос в целом.

Заканчивая на этих выводах и соображениях настоящее политдонесение в части этого вопроса, я намерен продолжать изучение этого вопроса, собираясь более углубленно обследовать все наши колхозы с тем, чтобы в будущем обстоятельней и всесторонне осветить результаты этого обследования. Хочу здесь хоть коротенько остановиться еще на одном явлении, отмеченном в процессе проведенного обследования. Речь идет о хлеботорговле, товарообмене между городом и деревней и хлебозакупе. По сути дела это триединый вопрос.

Хлеботорговля разрешается по окончании хлебопоставок по краю или области в целом. По нашему краю это разрешение последовало в начале декабря. Хлебозакуп кооперации разрешен был и начался лишь в конце января. Но оказывается, что «коробейники», «менялы» нас в этом деле опережают. Как выясняется, еще с осени по колхозным дворам стали ходить разного рода «менялы», которые на всевозможные товары, судя по отдельным фактам, выкачали немало хлеба. Эти менялы, идя по дворам, носят с собой наибольшее количество товаров, тут же обменивают на хлеб, принимают «заказы», которые, кстати сказать (или некстати), выполняют лучше и быстрее, чем наша кооперация.

Из этих фактов, мне кажется, надо было бы сделать такие выводы: не целесообразно ли было бы разрешить хлеботорговлю в пределах района после того, как он в целом закончил хлебопоставки и весь цикл [сельско]х[озяйственных] работ. Такое мероприятие, разумеется, таит в себе опасность перекачки хлеба из района в район, но зато оно было бы хорошим стимулом к скорейшему окончанию хлебопоставок и противоядием против скрытой торговли, бороться с которой очень трудно. Но если этот вопрос можно оставить спорным, то, мне кажется, совершенно бесспорен вопрос о том, что хлебозакуп кооперация должна развернуть в районе немедленно по окончании районом распределения доходов (хлебопоставки, разумеется, задолго до этого уже закончены). У нас это в районе совпадает примерно с концом октября и началом ноября. В это время колхозник испытывает необходимость заготовки на зиму всякого рода предметов домашнего обихода и ширпотреба. Как известно, «спрос рождает предложение», и на арену появляются менялы, рыночные спекулянты и т.п., так как кооперация еще не правомочна проводить хлебозакуп. Мне кажется совершенно непреложным, что право удовлетворения спроса колхозных масс должно быть предоставлено кооперации немедленно после того, как район (колхозы) в целом добился своей работой этого преимущественного права.

Сильно затянувшаяся, как по размерам, так и по времени составления, настоящая политсводка заставляет меня сократить освещение других вопросов летнего цикла и подготовки к уборочной.

В создании кормовой базы мы, в связи с засухой в мае–июне, встретились с большими трудностями. Поэтому мы с 20-х чисел июня сильно налегли на силос, и наши колхозы перевыполнили план по одним дикорастущим травам на 159 %, засилосовано 3703,5 тонн[ы] при общем плане в 2330 тонн. Выпавший 27 июня обильный дождь побудил нас провести кампанию за дополнительный сев силосных культур и в первых числах июля по нашим колхозам засеяно было около 400 га проса, подсолнуха и т.п. культур – эти посевы дали прекрасные всходы. Выпавшие в конце июня и начале июля дожди побудили нас также оттянуть дней на 8–10 разворот массового сенокоса (в прошлом году мы начали массовый сенокос с 1-го июля) – и не безуспешных результатов. Если в первых числах июля мы снимали 1¹/₂–2 ц с га, то во второй половине уже получается 5–7 цен[тнеров], так как трава благодаря дождям сильно подросла. Если август будет теплый, то на многих лугах удастся произвести второй укос. Но как бы то там ни было, скот у нас не останется без корма, хотя сена у нас очень мало, так как помимо низкого урожая у многих наших колхозов большой недостаток в сенокосных угодьях. И если осенью не удастся произвести второго укоса, то

помимо силосования сеяных культур мы проведем дополнительное силосование дикорастущих трав. Директива пленума крайкома об обеспечении каждой головы рогатого скота 2-мя тоннами силоса будет выполнена.

Подготовка к уборочной кампании проведена у нас [не]плохо. Весь уборочный инвентарь как в колхозах, так и в МТС полностью готов. Хотя здесь должен отметить одно вопиющее безобразие: мы получили 3 комбайна, но пока что не имеем ни одного комбайнера. Несмотря и на наши неоднократные телеграфные требования от краевых курсов комбайнеров о скорейшем выпуске хотя бы 3–4 курсантов из 9, нам сообщают, что их выпустят лишь в начале августа.

Мы проводим в колхозах широкую проработку разного рода мероприятий в связи с особенными трудностями уборки текущего года – низкий хлебостой, посадка и т.п., а также по борьбе с потерями. Крепко добиваемся и добьемся организации постоянных токов с охватом 120–150 га. Это позволит строить на них риги, крытые навесы и т.п.

Хлебопоставку и натуроплату мы закончим в 20-х числах сентября, а весь цикл с[ельско]х[озяйственных] работ – к концу октября. Если же метеорологические условия будут плохие, то все это оттянется на 10–15 дней.

Нач[альник] политотдела Топкинской МТС МАЙБЕРГ

ГАНО. Ф. П-175. Оп. 1. Д. 210. Л. 83-96. Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Комментарии

1. Хлебозакуп – метод хлебозаготовок, который дополнял централизованные заготовки. Осуществлялся в форме опосредованного товарообмена. Продавец хлеба получал право приобретения промышленных товаров в соответствии с установленным коэффициентом обмена. Ведение хлебозакупочных операций возлагалось на потребительскую кооперацию. Закупать зерно ей позволялось в колхозах и сельсоветах, выполнивших государственный план хлебозаготовок и закончивших засыпку семенных фондов. Хлебозакуп должен был иметь добровольный характер, но фактически являлся разновидностью обязательной для исполнения натуральной податью⁶.
2. Культстан – специально оборудованное место для культурного отдыха работников, находящееся в отдалении от населенных пунктов – в местах проведения сельскохозяйственных работ.
3. Речь идет об отстающих хозяйствах («плетущихся в обозе»).
4. Соцдоговор – договор о социалистическом соревновании.
5. Речь идет о краевом управлении МТС.
6. Под «мокрыми и сырыми настроениями» («оппортунистическими по сути») понимались возражения местных функционеров против пахоты переувлажненной земли.
7. Сверхранний сев – одна из агротехнических «новаций» периода массовой коллективизации, в соответствии с которой посев части зерновых должен был вестись вскоре после схода снега. В силу непроходимости подобной пашни для техники, сев осуществлялся в основном вручную. Апробирование метода было проведено в 1932 г. С 1933 г. началось его массовое внедрение. К ожидаемым позитивным результатам сверхранний сев не привел и в 1936 г. был официально запрещен⁷.
8. Речь идет о молебне о ниспослании дождя.
9. Кассы взаимопомощи колхозов учреждалась по решению общего собрания для оказания помощи членам колхозов в виде денежных ссуд и пособий в связи с болезнью, утратой трудоспособности, потерей кормильца.
10. Речь идет о колхозных семенных, страховых, фуражных и продовольственных зерновых фондах.

⁶ См.: Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозакуп в Западной Сибири: кампании 1933–1934 гг. // Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 107–146.

⁷ См.: Аграрная политика и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск, 2011. С. 533, 549.

Литература

Аграрная политика и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 374 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: Ленанд, 2014. 608 с.

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.

Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 863 с.; Ч. 2. 831 с.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 212 с.

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: [б. и.], 2000. 350 с.

Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозакуп в Западной Сибири: кампании 1933–1934 гг. // Сибирская деревня: сб. науч. тр. Новосибирск: Сибпринт, 2017. Вып. 4: Зерновая проблема в XX в. С. 107–146.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

(2011). *Agrarnaya politika i selskoe khozyaistvo Sibiri v 1930-e gg: dokumentalno-monograficheskoe izdanie* [Siberian Agrarian Policy and Agriculture in the 1930s: Documentary and Monographic Edition]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 608 p.

(1971). Arutyunyan, Yu.V. *Sotsialnaya struktura selskogo naselenia SSSR* [Social Structure of the Rural Population of the USSR]. Moscow, Mysl. 374 p.

Beznin, M.A. Dimoni, T.M. (2014). *Agrarnyi stroi Rossii 1930-1980-kh godov* [Agrarian System of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand. 608 p.

Danilov, V.P. (2011). *Istoriya krestyanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy: v 2 ch.* [The History of Peasantry in Russia in the 19th century. Selected works: in 2 Pt.]. Moscow, ROSSPEN, Vol. 1. 863 p.; Vol. 2. 831 p.

Fitspatrik, Sh. (2011). *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e godi: derevnya* [Stalin peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: a village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p.

Gushchin, N.Ya., Kosheleva, E.V. Charushin, V.G. (1975). *Krestyanstvo Zapadnoi Sibiri v dovoennye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia in the Pre-war Years (1935–1941)]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otdelenie. 288 p.

Ilinykh, V.A., Laperdin, V.B. (2017). *Khlebozakup v Zapadnoi Sibiri: kampanii 1933–1934 gg.* [Khlebozakup in Western Siberia: the campaign of 1933–1934]. In *Sibirskaya derevnya. Iss. 4: Zernovaya problema*. Novosibirsk, Sibprint, pp. 107–146.

Ivnitskii, N.A. (2000). *Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive Policy of Soviet State in Rural (1928–1933)]. Moscow, 350 p.

Zelenin I.E. (2006). *Stalinskaya “revolutsiya sverhu” posle “velikogo pereloma”, 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezultaty* [Stalin’s “Revolution From Above” after the “Great Turning Point”, 1930–1939: Politics, Implementation, Results]. Moscow, Nauka. 212 p.

Статья поступила в редакцию 21.05.2020 г.